

С. В. БЕРЕЗКИНА *

ORCID ID: 0000-0003-1845-6834

**«...НЕ ПОРУЧУСЬ, ЧТО, ОКАЗАВШИСЬ У НЕМЦЕВ,
ЭТИ ЛЮДИ НЕ ПРОДАЛИСЬ БЫ ЗА ЧЕЧЕВИЧНУЮ
ПОХЛЕБКУ...» ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ДНЕВНИКЕ Г. М. ФРИДЛЕНДЕРА**

Аннотация: Статья освещает сложный этап в биографии академика Г. М. Фридлендера периода Великой Отечественной войны на основе его воспоминаний 1995 г. и дневника 1944–1945 гг. В центре сохранившегося отрывка воспоминаний находится момент отправки в Коми АССР и прибытия новой партии в трудовой лагерь для граждан немецкой национальности в августе 1942 г. Дневник 1944–1945 гг. содержит размышления автора о пережитом им в лагере и людях, с которыми он там встретился. Дневник военных лет и позднейшие воспоминания Г. М. Фридлендера представляют собой ценный документальный комплекс о жизни СССР того времени.

Ключевые слова: биография академика Г. М. Фридлендера, судьба граждан немецкой национальности в СССР периода Великой Отечественной войны, национальная политика СССР 1930–1940-х гг.

S. V. BEREZKINA

**“I CAN’T GUARANTEE THAT IF THESE PEOPLE WERE AT THE
GERMANS, THEY WOULD NOT HAVE SOLD THEMSELVES
OUT FOR A FEW OF LENTIL SOUP...” THE LABOR CAMP
IN THE MEMOIRS AND DIARY OF G. M. FRIEDLANDER**

Annotation: The article highlights a difficult stage in the biography of Academician G. M. Friedlander during the Great Patriotic War on the basis of his memoirs of 1995 and diary of 1944–1945. In the center of the preserved fragment of memories is the moment of sending to the Komi ASSR and the arrival of a new party in a labor camp for citizens of German nationality in August 1942. The diary of 1944–1945 contains the author’s reflections on his experiences in the camp and the people he met there. The diary of the war years and the later memoirs of G. M. Friedlander are a valuable documentary complex about the life of the USSR at that time.

---

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН; Svetlana Veniaminovna Berezkina, Dr. in Philology, Leading Researcher of the IRLI RAS. berezkina@mail.ru

Key words: biography of Academician G. M. Friedlander, the fate of citizens of German nationality in the USSR during the Great Patriotic War, the national policy of the USSR of the 1930s–1940s.

Архив выдающегося ученого, многолетнего сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995) поступил в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 929) в 2014 г. Мировую известность Г. М. Фридендеру принесла деятельность на посту руководителя академического издания сочинений и писем Ф. М. Достоевского, вышедшего в тридцати томах в 1972–1990 гг. и получившего высокую оценку научного сообщества. Ценнейшая часть его архива — это бумаги военных лет. В 1940–1942 гг. Фридендер жил в Архангельске, где преподавал в пединституте (в должности и. о. доцента), а затем, с начала августа 1942 г., в поселке Жешарт Усть-Вымского района Коми АССР — в трудовом лагере для советских граждан немецкой национальности, наконец, в 1944–1945 гг. на спецпоселении в том же поселке. Архив военного времени включает разного рода документы, характеристики, записные книжки с телефонами и адресами, рукописи научных работ, писавшихся в условиях лагеря и спецпоселения, отрывки из дневников, в полном виде уничтоженных, по-видимому, самим Фридендером, а главное, письма в Жешарт, шедшие к нему со всех концов страны, с различных фронтов, из глубокого тыла и эвакуации. Сохранилось более пятисот полученных им в Жешарте писем — и всю эту пачку будущий академик, знавший цену рукописному слову, которое несет на себе отпечаток важнейших исторических событий, вывез с собой из Коми АССР в 1945 г.! Среди этих писем около двухсот было написано матерью в блокадном Ленинграде. А она, А. М. Фридендер, в свою очередь, сохранила его письма к ней из лагеря (около ста), что в итоге дало исключительную по насыщенности ценными историко-биографическими материалами переписку между Жешартом и Ленинградом.

Посвятив военным материалам Фридендера ряд публикаций¹, мы хотели бы в настоящей статье обратиться к той части архива, которая была оставлена нами в тени. Во-первых, это воспоминания Фридендера, а во-вторых, дневники военных лет. Воспоминания писались

---

¹ *Березкина С. В., Лагурев А. С.* «Трудармеец Фридендер, Г. М.» (письма из Коми АССР, 1942–1945) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 443–505 (далее: Березкина, 2019а); *Березкина С. В.* «Ты бесконечно дорог мне...» (Из писем Я. Л. Бабушкина и О. И. Ильинской к Г. М. Фридендеру, 1941–1946) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 358–371 (далее: Березкина, 2019б); *Березкина С. В.* О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридендера и письмах к нему в Коми АССР (1942–1945 гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 479–556 (далее: Березкина, 2020); *Березкина С. В.* «Проклятый вопрос об ошибке в папиных бумагах...» (Г. М. Фридендер в лагере и на поселении, 1942–1945) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 23. СПб., 2021. С. 392–410 (далее: Березкина, 2021).

им, как об этом говорится в предисловии, в 1995 г. (в декабре того же года он скончался от ожогов, полученных в результате трагического бытового происшествия). Сохранилось несколько глав воспоминаний Фридендера, к сожалению, все в отрывках, поскольку ни одна из них не была им дописана. Глава, посвященная истории его семьи, имеет самый большой объем и две редакции, но и она не была завершена (см.: Березкина, 2021, где рассказ Фридендера о своей семье был использован нами с максимально возможной полнотой, устранявшей пропуски в нашей предыдущей статье: Березкина, 2019а). В статье, посвященной соученице Фридендера по Ленинградскому университету, которой он в 1945 г., еще будучи на спецпоселении, предлагал в письме руку и сердце, была опубликована глава «Ляля Ильинская», передающая яркие картины студенческой жизни середины 1930-х гг. (Березкина, 2020, с. 493–501).

Ниже помещаются те из написанных Фридендером отрывочных воспоминаний, которые связаны с началом войны и лагерем в Жешарте. Историков, пишущих о трудовых лагерях периода Великой Отечественной войны, несомненно, заинтересует описание метаний героя в канун отправки в лагерь, когда он пытался уйти от неминуемой для советского немца судьбы, а затем сама отправка из Архангельска, путь на пароходе по Северной Двине до Котласа и затем по железной дороге в Жешарт, вместе с другими мобилизованными в трудовую армию гражданами. К сожалению, история пребывания Фридендера в лагере обрывается после встречи трудармейцев в Жешарте 4 августа 1942 г. и краткого описания лагеря, в котором ему предстояло провести полтора года до выхода на спецпоселение в начале 1944 г.

Вслед за воспоминаниями помещаются отрывки из дневников Фридендера за 24 октября 1944 — 17 мая 1945 г. Живя в Жешарте как спецпоселенец, Фридендер продолжал работать в конторе лесобиржи учетчиком (эту лагерную должность — позднее она именовалась «плановик» — он занял в сентябре 1942 г.). В дневнике он анализирует то, что принес в его жизнь лагерь, вспоминая людей, с которыми его свела судьба, но при этом обходя молчанием представителей начальства и охраны (конечно же, из-за реальных опасений, которые оставило в нем пребывание за колючей проволокой). Фридендер видит в лагере для советских граждан немецкой национальности, среди трудармейцев, лишь несколько «русских людей» («Гефт, Тиссен, Лоде, может быть, Троп»), утверждая, что остальные при подвернувшемся случае продались бы немцам «за чечевичную похлебку». Это заключение Фридендера отражало понимание тех опасений руководства СССР, которые предопределили отношение к «пятой колонне» из этнических немцев, во-первых, в действующей армии (чтобы оставить в ней немца по паспорту, требовалось разрешение командующего фронтом!), а затем и в ближайшем тылу. Именно с этой целью перемещались в глубокий тыл для работы в трудовых лагерях советские граждане,

национальность которых совпадала с титульной в воюющих на стороне Гитлера странах.

В 1995 г., когда Фридлиндер писал свои воспоминания, у него уже не было и тени желания оправдать те исторические процессы. Напротив, мемуарист возмущен преступлением сталинского режима, распорядившегося судьбами людей, которые, как он пишет в своих воспоминаниях, горели желанием защищать родину на фронтах Великой Отечественной войны. Можно в этом усмотреть веяния нового, постперестроечного времени, но есть здесь и глубоко личное для Фридлиндера переживание. В декабре 1937 г. был арестован его двадцатисемилетний брат Андрей, инициативный радиоинженер-изобретатель, работавший на ленинградском заводе «Светлана», и в январе 1938 г. расстрелян как «немецкий шпион» (см.: Березкина, 2019а, с. 446–447). Имя Андрея постоянно встречается в переписке военных лет Фридлиндера с матерью, поскольку они надеялись на его возвращение. Последний раз А. М. Фридлиндер обращалась в НКВД с просьбой о пересмотре дела Андрея в 1945 г., когда было получено разрешение, со второй попытки, на изменение записи в пятой графе паспорта ее младшего сына, Г. М. Фридлиндера: «еврей» — взамен записи «немец» (см. об этом: Березкина, 2020, с. 555; Березкина, 2021). Впоследствии семья узнала о судьбе Андрея, и он был реабилитирован в 1958 г. В 1991 г. академику Фридлиндеру, по его заявлению, было показано в КГБ дело брата, и он своими глазами увидел «признание» Андрея в том, что он является «немецким шпионом»...

Воспоминания и дневниковые записи печатаются по автографам без конкретизации шифра хранения, поскольку фонд Г. М. Фридлиндера (РО ИРЛИ, ф. 929) находится в стадии обработки. Публикация нацелена на воспроизведение обстоятельств жизни Фридлиндера в Коми АССР. С этим связан ряд купюр в дневниковых записях, посвященных мелким бытовым подробностям, а также личным отношениям автора дневника с теми из трудармейцев, которые оказались с ним в одном жешартском доме после выхода из лагерной казармы. Орфография и пунктуация публикуемых текстов приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением ряда индивидуальных написаний.

Из воспоминаний Г. М. Фридлиндера (1995)

<Начало войны>

22 июня 1941 года с утра я расположился работать, но около половины двенадцатого кто-то из моих архангельских коллег (по-видимому, Таня Луценко²) постучал ко мне, чтобы сказать, что по ра-

---

² Татьяна Михайловна Луценко (1918–2005), канд. филол. наук (1955), преподаватель зарубежной литературы в Архангельском педагогическом институте в 1940–1942 гг.

дио ожидается срочное сообщение. Мы спустились в нижний этаж, в комнату математиков Гольшевых, и там в 12 часов услышали выступление Молотова о начале войны³. Сразу же после этого я поехал на телефон и дал матери в Ленинград телеграмму, чтобы она немедленно возвращалась на работу в Библиотеку Академии наук, так как ни о каком переезде в Москву нам нечего и думать⁴. После этого я написал заявление, которое отправил в Ленинград, в Василеостровский райвоенкомат с просьбой зачислить меня добровольцем в ряды одной из армейских частей, предназначенных для защиты Ленинграда от гитлеровцев.

По дороге домой я из трамвая увидел, что возле всех магазинов выросли страшные очереди. Однако в очередь я не встал, а на следующий день, когда я зашел в один из магазинов, оказалось, что там нет ничего, кроме пакетов сухого овсяного кофе. Я попытался купить несколько таких пакетов и, не заваривая кофе, есть его чайной ложкой, но — увы! — он оказался несъедобным.

Очевидно, вскоре нам выдали карточки (хотя я твердо этого не помню). В то же время нас перевели обедать из облизполкомовской столовой (где были сносные обеды) в другую, обыкновенную, расположенную ближе к институту. Обеды в ней выдавались нам по талонам, но еды было мало, и я постоянно чувствовал голод, хотя и не падал духом.

Преподавателей-мужчин (в том числе и меня) зачислили в дружину, и мы стали ежедневно вечером заниматься военной подготовкой

---

³ Выступление наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г. с сообщением о нападении Германии на Советский Союз и начале войны.

⁴ Речь идет о матери Г. М. Фридендера Анжель (Анжелике) Морисовне Фридендер (1886–1956). Она была дочерью М. Гессе (ум. 1905), купца 2-й гильдии, владельца «Лионского магазина» в Петербурге (напротив Казанского собора) и поставщика императорского двора, закончила женскую гимназию Л. С. Таганцевой и три курса Высших историко-литературных и юридических женских курсов. Обучение было прервано в 1910 г. замужеством (в тот же год приняла русское подданство), в браке имела двоих детей. После революции работала машинисткой, в 1934–1948 гг. — в Библиотеке АН СССР библиотечарем (с использованием знания ею трех языков). Михаил-Александр Вильгельмович (с 1917 г. Васильевич) Фридендер (1879–1942), отец Георгия Михайловича, происходил из семьи банковского служащего и сотрудника газеты *St. Petersburgische Zeitung*, где вел биржевой отдел. М. В. Фридендер в 1904 г. закончил Электротехнический институт и принял русское подданство, до революции имел блестящую карьеру инженера-электротехника (см.: Березкина, 2019а, с. 445–446). В конце 1920-х гг. у него началось расстройство психики (речь шла о неизлечимой психической болезни), что значительно осложнило жизнь семьи; умер от истощения в Ленинграде в январе 1942 г. В воспоминаниях Г. М. Фридендер упоминает о том моменте, когда семья решила перебраться в Москву. В мае 1941 г. его мать уволилась из БАН. В Москву они намеревались переехать по приглашению философа-марксиста и теоретика искусства Михаила Александровича Лифшица (1905–1983), который высоко ценил Г. М. Фридендера и предлагал ему перспективную должность в одном из московских издательств (см.: Березкина, 2019а, с. 444; Березкина, 2020, с. 483–484).

с нашим (довольно симпатичным) физкультурником Петровым⁵. Кроме того, мы дежурили по ночам возле нашего общежития, где были насыпаны кучи песку и расставлены лопаты на случай воздушного налета. Однако воздушных налетов ни осенью, ни зимой в Архангельске не было. Так что о ходе военных событий я узнавал только по радио, из газет и из маминых (ленинградских) писем, а также из других писем из Москвы и с фронта.

С самого начала моего преподавания в Архангельске у меня сложились очень плохие отношения с завкафедрой литературы Марией Николаевной Германовой⁶ (женой автора известной книги о внутренней политике Павла I, сосланного в Архангельск М. В. Клочкова⁷, к которому я относился с большим уважением).

<Отправка и прибытие в Севжелдорлаг>

Груздев⁸ сразу же принял меня, и я почувствовал, что он искренне огорчен происшедшим. Он объяснил мне, что утром ему позвонили

---

⁵ 24 июня 1941 г. Фридлиндер отправил матери письмо с распоряжениями, касающимися его документов и рукописей, ввиду своей близкой мобилизации. Однако действительность оказалась более сложной, поскольку призыв граждан немецкой национальности в РККА был остановлен сразу же после начала войны. «В армию меня пока не берут», — читаем в письме от 10 июля 1941 г. Фридлиндер записался в народное ополчение и с осени три раза в неделю посещал учебные занятия при военкомате. Затем он вновь «проходил призыв», но был «оставлен до особого распоряжения» (письмо к А. М. Фридлиндер от 16 ноября 1941 г.).

⁶ Мария Николаевна Германова (1899–?), канд. филол. наук (1937).

⁷ Михаил Васильевич Клочков (1877–1952), историк, профессор, д-р ист. наук. Фридлиндер отдает дань уважения его работам о царствовании Павла I (см., например, «Очерки правительственной деятельности Павла I», 1916). Мемуарист упоминает ссылку Клочкова, но она была связана не с Архангельском, а с Казахстаном, где он провел 1934–1937 гг. В Архангельском пединституте Клочков работал с 1938 г., в 1940–1944 гг. зав. кафедрой истории СССР.

⁸ События, с которых начинается новая глава в воспоминаниях, относятся к июлю 1942 г., когда Фридлиндер уже не работал в пединституте. 11 февраля 1942 г. он сообщал матери: «Это письмо пишет Тебе <...> библиотекарь штаба 128-го строительного батальона... <...> Сначала я, вместе со всеми, был направлен в лагерь, где все мои товарищи в настоящий момент, вероятно, уже работают лопатой или топором. Но уже на второй день (это был день моего рождения — 9-го февраля, и он не мог не быть для меня счастливым!) я, благодаря своему образованию и научной деятельности, которая вызывает здесь священный трепет, был вызван в распоряжение штаба. <...> Обязанности мои: библиотека, лекции для бойцов и комсостава, организация выставок, проведение политзанятий в хозяйственном взводе, куда я вхожу». Это писалось матери в утешение, в письме же от 31 марта 1942 г. к Лифшицу, ушедшему на фронт в самом начале войны, прошедшему через разгром на Днепре Пинской военной флотилии (сентябрь 1941 г.), окружение, плен, побег, а теперь служившему в Главполитуправлении ВМФ, Фридлиндер высказался с предельной резкостью: «...я никак не думал, что окажусь в таких нелепых, тыловых условиях». Строительный батальон находился в ближайшем пригороде Архангельска Бакарице, где в то время шло строительство порта, способное принять по ленд-лизу большие океанские суда. 24 февраля 1942 г. Фридлиндер принял присягу и тут же отправил матери удостоверение о том, что служит в РККА (сохранилось в архиве). Через

из обкома и сообщили, что прошение мое удовлетворено и чтобы он дал знать, чтобы я скорее выехал в Архангельск, так как на днях всех, представленных обкомом, соберут, а затем срочно отправят в Вологду, на переподготовку⁹, но затем, через два часа, позвонили снова и сказали, что от моей кандидатуры обком отказался. Он добавил, что не хотел мне говорить об этом раньше, но что он давно оценил мои знания и способности и направил в Москву в Военно-строительное управление письмо, в котором писал, что среди трудармейцев архангельского стройбата есть замечательный работник, который по своему дарованию должен был бы работать в Москве, где он, в тяжелых условиях войны, был бы чрезвычайно полезен и что он настойчиво рекомендует вызвать меня в Москву для знакомства и последующего перевода в Центральное управление, но письмо его осталось без ответа. Утренний звонок его очень воодушевил, но после отказа обкома понял, что ничего нового предпринять для меня уже не сможет. Выйдя от него нравственно убитым, я отправился в институт, надеясь узнать там что-нибудь более конкретное. Но Руднев¹⁰ ничего не знал, а от противной ханжи-секретарши партбюро я смог после долгих расспросов вытянуть лишь одно — что в моей характеристике она умудрилась написать, что я (будучи призванным!) не бывал до конца занятий по ПВО¹¹ в порученных мне домах. Время было еще рабочее, и вдруг совершенно безотчетно в моем сознании ясно вспыхнули цифры номера телефона того третьего секретаря

два месяца он сообщил ей о переводе части строительного батальона в действующую армию (при этом умолчал, что остававшиеся в Бакарице военнослужащие представляли национальности, которые не подлежали призыву): «При ликвидации колонны мы заново прошли через комиссию, причем меня по ст. 11 (общее слабое физическое развитие) признали негодным к несению строевой службы <...> Начальник политотдела архангельского окружного управления Военстроя сказал мне, что в ближайшем будущем он возьмет меня к себе, в округ, на лекторскую работу (по-видимому, это тот Груздев, о котором Фридлендер пишет в своих воспоминаниях. — С. Б.)». Это вдохнуло в него новую надежду, и он принялся «штурмовать начальство рапортами и заявлениями», о чем сообщил М. А. Лифшицу в письме от 31 марта 1942 г. (перевод в действующую армию назывался в них наиболее желательным), причем в одном из своих рапортов Фридлендер «довольно обстоятельно попытался разъяснить как национальные моменты, так и вопрос об Андриусе». См.: Березкина, 2019, с. 447–449.

⁹ Весной — в начале лета 1942 г. Фридлендер, судя по его письмам, пытался получить назначение то «в качестве штатного лектора при политотделе <...> Главвоенстроя», то по «заявке из политуправления <Карельского> фронта» редактором одной из газет, то на «прежнюю службу в пединститут» — на ту же кафедру или же другую, для преподавания политэкономии после переподготовки на курсах в Вологде. Все его планы, однако, рухнули «из-за дикого и нелепого упорства» непосредственного начальника и — «различных приводящихся причин». И. М. Дьяконов, дважды отправлявший вызов для него в Архангельский военный округ в связи с работой в газете Карельского фронта, довольно скоро осознал, что Г. М. Фридлендер не будет принят на службу в политотдел фронта, поскольку он, во-первых, не был «даже кандидатом» в члены ВКП(б), а во-вторых, согласно анкете, имел брата, осужденного по 58-й статье. См.: Березкина, 2019, с. 449.

¹⁰ По-видимому, речь идет о члене партбюро Архангельского пединститута.

¹¹ Противовоздушная оборона.

архангельского обкома партии, у которого я был на приеме (на номер этого телефона я случайно взглянул во время нашего разговора). Я сейчас же бросился к ближайшему телефону-автомату и позвонил по этому номеру. Неожиданно у телефона оказалась не его секретарша, а он сам. Я назвал ему свою фамилию, но он прервал меня и сказал: «Оставьте там, где вы были». И сейчас же положил трубку. Сдержав свое отчаяние, я вернулся в Бакарицу и доложил Кузьменкову о результатах своей поездки¹². Как я понял, он тоже был огорчен за меня, но ничего мне не сказал, хотя, вероятно, знал, что меня ждет.

Через несколько дней всех нас, оставшихся немцев-трудармейцев, снова отвезли в военкомат¹³ (другой, чем тот, в котором я проходил мобилизацию, на другом конце города). Здесь у нас отобрали наши военные билеты¹⁴ и под руководством трех офицеров (одного, одетого в штатское, и двух в военной форме, но без погон и знаков отличия) отправили на пристань. Посадили нас всех гуртом на обыкновенный пассажирский пароход, отправлявшийся из Архангельска в Котлас, на Северной Двине. Мне уже раньше — при поездках к студентам-заочникам в Берёзов и Холмогоры — приходилось плавать на таком пароходе, и я знал, как только он отойдет от пристани, на верхней палубе откроется окно кассы, где будут продаваться нераспроданные билеты в первый и второй класс. Уговорив трех трудармейцев-«интеллигентов» — врача Н. А. Фризену, ветеринара Колю Мертенса¹⁵ и еще кого-то (кажется, нашего фельдшера) — подобраться к этому заветному окну, я купил для всех нас билеты в восьми- или десятиместную (?) каюту второго класса, в то время как остальные трудармейцы были направлены в трюм, где находился третий класс. Благодаря этому мы могли совершить свое путешествие с комфортом и любовались в окно на Северную Двину

¹² Имеется в виду воинская строительная часть в Бакарице, где служил в это время Фридендер.

¹³ Социальный статус мобилизованных на трудовой фронт, числившихся вольнонаемными, был выше, чем у заключенных и спецпереселенцев. Трудмобилизованные граждане должны были явиться при отправке их военкоматами на место работы в исправной одежде и обуви, с запасом белья, постельных принадлежностей, продовольствия и проч. Дальнейшее же их обустройство, снабжение, вещевое довольствие передавалось НКВД. О «трудоустройстве» см.: *Гончаров Г. А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник №2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95; *Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. П.* История немцев в России: хрестоматия. М., 2005. С. 243–312 (гл. «Советские немцы в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие (1941–1955)»).

¹⁴ У трудармейцев сохранялись партбилеты и комсомольские билеты, поэтому в лагерях они продолжали участвовать в работе первичных ячеек и вносить членские взносы из заработанных ими денег, что было свидетельством отличия их статуса от зеков. Трудармейцы не были осужденными по статье Уголовного кодекса, т. е. формально не были репрессированными, что является основой для отказа в выдаче их дел в современных архивах.

¹⁵ Врач Н. А. Фризен, ветеринар Н. Мертенс — лица неустановленные.

с ее чудесными, живописными берегами. Но этого мало. В то же самое купе второго класса сели и наши провожатые. Воспользовавшись этим, я пытался заговорить с ними и узнать, куда нас везут. Но они не говорили мне и вообще все время нашего путешествия хранили перед нами молчание, беседуя между собой лишь на палубе. Тем не менее ответ на свои вопросы мне удалось получить: однажды, когда они вышли из каюты, я увидел на столе напечатанную на машинке бумагу, адресованную начальнику 17-й рабочей колонны Севжелдорлага¹⁶, в которой ему предписывалось принять нас в число трудармейцев колонны.

Так я узнал о ждущей нас судьбе. Итак, мы не только не заподозрены в какой-то вине, и нам даже не пытаются наклепать ее искусственно. Нас везут в лагерь просто потому, что в пятой графе нашего паспорта стоит отметка «немец» (или «финн», или «болгарин»). Эту отметку поставила каждому из нас при выдаче паспорта в 30-х годах милиция — и она не подлежит изменению¹⁷ (к этому вопросу я еще вернусь). Милиция же, делая эту отметку, не спрашивала нас о том, к какой национальности мы себя причисляем, а механически переносила эту отметку из проведенной перед выдачей паспортов переписи населения! Между тем, если мой отец формально мог считаться «немцем» (сам он родился в России и прожил в ней всю жизнь, но отец его приехал в Россию в XIX веке из Пруссии и перешел в русское подданство из германского¹⁸), то мать моя была по происхождению француженкой — и, сле-

---

¹⁶ Колонна представляла собой отдельный лагерный пункт (ОЛП) Севжелдорлага — исправительно-трудового лагеря, обслуживавшего Северо-Печорскую железную дорогу. Жешартская колонна занималась заготовкой шпал и дров для паровозов и строительством завода авиационной фанеры. Об отряде трудмобилизованных немцев в Севжелдорлаге см.: Система исправительно-трудоу лагерей в СССР. 1923–1960 / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 381; *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми-Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 67–69. 8 августа 1942 г. Фридендер сообщил матери в первом же своем письме из лагеря: «Адрес — Коми АССР, Усть-Вымский район, село Жешарт <...>. Это между Котласом и Сыктывкаром на реке Вычегде» (Березкина, 2019а, с. 458). Ниже Фридендер подробно повествует в своих воспоминаниях об истории Севжелдорлага.

¹⁷ Имеется в виду выдача первых советских паспортов в 1933 г. с записью в них национальности, определявшейся по инструкциям НКВД. Основным документом для родившихся до революции граждан были метрики, выдававшиеся в различных консисториях; к сведению принимались и другие обстоятельства — характер фамилии, имени, отчества, а также уточнения, получавшиеся в ходе опросов. Национальность детей определялась по отцу или матери.

¹⁸ Об отце Георгия Михайловича см. примеч. 4. Его дед со стороны отца Вильгельм (Вольф, Василий) Андреевич Фридендер (род. 1849) приехал в Петербург в 1870-х гг. В архиве Г. М. Фридендера сохранились документы, подтверждающие, что до своего присоединения к христианской (реформатской) церкви он был иудеем: свидетельство об окончании Варшавского специального уездного училища в 1867 г. с указанием на «моисеево вероисповедание», вид на жительство Эмилии Бергсон, бабки Г. М. Фридендера, с той же отметкой 1870 г. (выдан в Варшаве), а также их брачное свидетельство — кетуба 1870 г. (подлинник и заверенная нотариусом копия (перевод) 1950 г.).

довательно, в моем паспорте с тем же основанием могло быть написано «француз», хотя и она родилась и выросла в России¹⁹. К тому же дед мой по отцу был фактически евреем, перешедшим в лютеранство²⁰, — и, следовательно, по законам гитлеровской Германии ни я, ни мой отец, не могли быть признаны немцами!

О своем открытии я рассказал Фризену и Мертенсу, которые приуныли так же, как и я. Больше никому я о нем решил пока не говорить — тем более что все остальные ехавшие с нами трудармейцы были мне неизвестны, нас присоединили к группе из 200–300 человек, которые были нам совершенно неизвестны и собраны были вместе из различных военно-строительных (и других аналогичных) организаций.

В Котласе нас высадили на берег и построили в колонну, по 5–6 человек в ряд. После этого мы двинулись направо вдоль берега, затем нас остановили и повернули в противоположную сторону. После этого через некоторое время нас остановили и оставили стоять на месте. Это стояние продолжалось часа три.

Оглянувшись по сторонам и взглянув на название улицы, я с удивлением обнаружил, что название ее мне знакомо. Это была та самая

В 1943 г. Г. М. Фридендер обратился к матери с просьбой найти эти документы, когда предпринял попытку изменить запись о национальности в своем паспорте, подав заявление в военную прокуратуру. А. М. Фридендер была против этой инициативы сына, поскольку понимала, что, став евреем, он попадет на фронт. На запрос инспектора милиции в августе 1943 г. она ответила, что является француженкой, а муж ее немцем, удержав тем самым сына в лагере. Запрашиваемые им документы она «нашла» лишь в конце войны. 8 сентября 1943 г. ее любимая подруга З. Б. Подкопаева, урожд. баронесса Кусова, писала Фридендеру по поводу этих поисков: «Для меня просто удивительно, что вопрос о Вашей национальности может вызывать какие-либо сомнения, — достаточно взглянуть на фотографии Вашей тети (Цецилии (по паспорту Ирины Борисовны) Лунц, сестры матери. — С. Б.), бабушки, Вашего отца, чтобы, не задумываясь, сказать, что они евреи. Да и всем известно, что фамилии Фридендер и Гессе чисто еврейские» (Березкина, 2019а, с. 475).

¹⁹ Отец А. М. Фридендер (см. примеч. 4), живя в Петербурге, оставался гражданином Французской Республики до самой смерти. Именно поэтому ее метрики (свидетельство о крещении в лютеранской церкви) были выданы во французском посольстве; это был красивый объемный документ, написанный на французском языке (сохранился в семейном архиве). На его основании Анжель Морисовна получила в своем паспорте запись «француженка».

²⁰ Родители Г. М. Фридендера венчались в 1910 г. в реформатской церкви на Большой Морской улице в Петербурге. В документах его отца указывалось, что он был «немецкого реформатского вероисповедания». Оба сына были крещены в лютеранской церкви, о посещении которой Г. М. Фридендер писал в своих воспоминаниях, связывая их с Екатерининской кирхой на Васильевском острове в Петербурге. До середины 1920-х гг. дети поздравляли родителей с Рождеством и Пасхой Христовой (эти рукописные поздравления сохранились в семейном архиве). Анжель Морисовна была глубоко верующим человеком и во время войны ходила молиться в Князь-Владимирский собор. Интересный контраст являет переписка А. М. Фридендер с сыном: в ее письмах, в том числе в открытых, слово «Бог» всегда с прописной буквы, в его ответах — со строчной.

улица, где жили Ефим Абрамович и Полина Лазаревна Старéц²¹, которых я в 1941 году приютил у себя в Архангельске и которые в начале 1942 года переехали в Котлас, куда Ефим Абрамович был переведен на службу. Более того, оказалось, что мы стоим на расстоянии 10–12 домов от того дома, где они жили и куда я несколько раз писал им после их отъезда. Выйдя из колонны, я прошел шагов 200 вперед — и очутился около их дома, причем в окне я мог ясно разглядеть знакомые мне немногие предметы из домашнего обихода, украшавшие недавно наше общее архангельское обиталище. Так как Старéцы были оба на службе, я оставил у них в дверях записку, в которой написал, что проходил около их дома и что меня везут в Севжелдорлаг, на 17-ю колонну, в село Жéшарт Коми АССР, как было написано в прочитанной мною сопроводилровке²².

После долгого стояния мы, ничего не евшие весь этот день, двинулись дальше и, наконец, оказались около какой-то территории, охраняемой вохровцами²³. Налево здесь стоял вагон, куда мы должны были зайти, раздеться и сдать свои вещи для дезинфекции, а направо находилась ветка железной дороги, где были приготовлены для нас паровоз и два или три товарных вагона, в которых нам предстояло отправиться в дальнейший путь.

Здесь наступил момент, которого я, вероятно, никогда в жизни не забуду. Для того чтобы подойти к поезду или вошебойке, нужно было свернуть с дороги и перейти за оцепление, как бы вполне добровольно, в полном молчании, без каких-либо специальных приказаний или окриков, каждый из нас должен был променять свободу на лагерную «зону». Между ними лежала незримая черта, отмеченная стоявшими вдоль нее вооруженными охранниками и собаками. У меня замерло сердце — но другого пути не было. Задержавшись у края зоны, я последним, помедлив столько минут, сколько было возможно, чтобы не привлечь к себе внимания охраны, наконец, переступил эту черту, болезненно сознавая, что из свободного человека я отныне становлюсь, может быть, на всю оставшуюся жизнь бесправным, законвоирированным «зэком».

---

²¹ Е. А. и П. Л. Старéцы были соседями Фридендеров по дому на 2-й линии Васильевского острова в Ленинграде (Фридендеры, кстати, прожили там сто лет — с 1915 г.; последней эту квартиру покинула вдова Г. М. Фридендера Н. Н. Петрунина (1932–2018), переселившись в 2014 г. в пансионат). Старéцы, эвакуированные из Ленинграда в декабре 1941 г., приютились на некоторое время в Архангельске у Г. М. Фридендера. От них он узнал правду о блокаде и очень переживал за мать, которая из-за большого мужа осталась в Ленинграде. Чета Старéцов стала для Фридендера своего рода образцом деловой хватки, поскольку они сумели вывезти из блокады огромную сумму денег (15 тыс. руб.).

²² 2 ноября 1942 г. Фридендер написал матери о П. Л. Старéце: она «была так добра ко мне, что организовала (не без труда) пересылку ко мне моего одеяла и теплых вещей, так что на зиму я обеспечен всем необходимым. От одеяла на меня так и пахло запахом родного дома, детства, когда я ложусь спать — я засыпаю с тысячами воспоминаний о Тебе и нашей домашней жизни» (Березкина, 2019а, с. 463–464).

²³ Вохровцы, ВОХР — военизированная охрана мест заключения.

Тяготившее меня чувство потери свободы, перехода из «царства свободы» в «царство необходимости»²⁴ охватило меня с такой силой, что под влиянием бессильного желания выразить свой протест и неприятие происходящего я не пошел — вслед за своими товарищами — в баню, а сразу же остановился у одного из вагонов, а затем залез в него. Вскоре обряд бани был закончен, и вагоны заполнились моими товарищами. Постояв недолго, поезд тронулся. Довольно долго мы ехали лесом, за закрытыми дверями, сбившись в кучу, в полутемном вагоне. У меня был с собой небольшой мешочек с остатками той самой крупы, которую я пытался послать своим родителям в Ленинград и которая волею почты вернулась ко мне обратно. У кого-то из нас нашелся котелок и, разведя в углу вагона огонь, мы сварили из нее кашу, которую по-братски разделили между собой. Вдруг лес кончился. В небольшом отверстии, проделанном в двери вагона, промелькнули дома, за ними река, на которой вдаль заходило солнце. Проехав еще с километр (или немногим больше), наш состав остановился. Вагоны открыли, и мы, щурясь от лучей заходящего солнца, вылезли наружу. Вокруг нас было оцепленное со всех сторон пространство, внутри которого находилось другое, меньшее по своему размеру пространство, которое образовывало по форме параллелограмм, окруженный деревянным забором с ключей проволокой. На каждом углу его стояли вышки с дежурившими на них часовыми. Недалеко от его ворот железная дорога заканчивалась тупиком, а перед самыми этими воротами стоял стол, за которым сидели двое — мужчина и женщина. Перед ними лежали бумага и перья.

Мужчина, одетый в лагерную рубаху цвета «хаки», привстал и любезно приветствовал нас. Попросив прибывших подходить к нему по одному, быстро и уверенно он записывал наши имена, образование и род занятий. Стараясь быть максимально любезным и вместе с тем давая нам всем своим поведением понять, что от сидящей рядом с ним немолодой, тучной и на редкость безобразной женщины его отделяет изрядная иерархическая дистанция, он назвал нам свое имя: «Давид Фридман»²⁵ — и подчеркнул, что он такой же трудармеец, как и мы, наш будущий товарищ. Женщина же сидела рядом с ним, молчаливо наблюдая за его работой, а когда он кончил писать, презрительно и высокомерно взглянув на нас, произнесла, с сильным местечковым еврейским акцентом, что отныне мы интернированные по приказу военного времени немцы (и немногочисленные представители других национальностей тех государств, которые борются против Советского Союза) и что на этом положении мы будем находиться до окончания войны. Позднее, как увидит далее читатель, мне еще не раз пришлось

---

²⁴ Фридендер иронично использует известное изречение Ф. Энгельса о «скачке человечества из царства необходимости в царство свободы» («Анти-Дюринг», 1878; отд. 3, гл. 2).

²⁵ Лицо неустановленное.

встретиться с этой женщиной, которая, возможно, почувствовав инстинктивное отвращение, которое она мне сразу же внушила своим безобразием и высокомерно-презрительной интонацией своей речи, стала моим заклятым врагом и позднее всячески старалась отяготить мою лагерную судьбу. Как я узнал вскоре, это была жена начальника урдомского подразделения Севжелдорлага полковника НКВД Уралова, занимавшая в Урдоме пост начальника финансово-экономического отдела этого подразделения (которому мы были подчинены)²⁶.

Прежде чем перейти к изложению последующих событий этого дня, я вынужден сделать небольшое отступление, необходимое для понимания дальнейшего моего рассказа. Когда был образован Севжелдорлаг, я точно не знаю²⁷. Но очевидно, что это произошло в середине или конце тридцатых годов — после того, как было закончено строительство Беломорско-Балтийского канала, а на севере Печоры — в районах Воркуты и Ухты — геологами были разведаны запасы угля и нефти. Параллельно со строительством угольных шахт в районе Воркуты и нефтяных вышек под Ухтой²⁸ тогда было начато планирование, а затем и строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали²⁹, по которой воркутинский уголь и ухтинская нефть могли бы доставляться в центральные районы России. Для осуществления этого строительства и был создан Севжелдорлаг с центром в поселке Княжпогост³⁰, откуда на север и на юг потянулась линия магистрали. Строили ее заключенные, часть которых была переведена с Беломорканала. В последующие годы число заключенных Севжелдорлага постоянно увеличивалось за счет новых массовых репрессий.

Основная работа по строительству магистрали была завершена к началу войны. Однако для того, чтобы магистраль начала нормально функционировать, нужно было построить мост через Северную Двину, в районе Котласа³¹, который соединил бы ее с существовавшими уже прежде железнодорожными линиями. Строительство этого моста началось сразу же после начала войны, причем заключенных для этого не хватало, и в лагерь начали направлять им в помощь потоки

---

²⁶ Полковник НКВД Уралов и его жена — лица неустановленные.

²⁷ Севжелдорлаг был образован в 1938 и существовал до 1950 г.

²⁸ Фридлиндер называет важнейшие стройки Северо-Запада СССР: судоходный Беломорско-Балтийский канал, соединяющий Белое море с Онежским озером, часть водного пути между Белым и Балтийским морями (1931–1933), шахты Печорского угольного бассейна (с 1934; добыча угля стала развиваться после открытия железной дороги в 1941), разработка Ярегского нефтяного месторождения, в районе Ухты (с 1937).

²⁹ Строительство Северо-Печорской железной дороги (Котлас — Воркута) велось в 1937–1941 гг.

³⁰ Княжпогост, ныне входит в состав пос. Емва (Княжпогостский р-н, Республика Коми).

³¹ Железнодорожный мост на линии Котлас — Воркута через Северную Двину был построен зимой 1941/1942 г., после чего по нему пустили поезда. Одновременно началась реконструкция моста, акт о его приемке был подписан в 1945 г.

мобилизованных трудармейцев, недавно переселенных из Поволжья и других немецких колоний на Алтай и в Казахстан³² — для расширения сельскохозяйственных работ и увеличения их эффективности. Одновременно Государственным комитетом обороны было принято <решение> использовать для строительства моста металлические фермы, которые были изготовлены для укрепления фундамента будущего Дворца советов, который должен был быть, по замыслу Сталина, по проекту архитектора Б. Иофана построен в Москве, на Волхонке, на месте взорванного храма Христа Спасителя³³. Огромная яма, вырытая для установки этих металлических конструкций, была впоследствии превращена в плавательный бассейн «Москва»³⁴, а фермы, которые, вероятно, уже начали устанавливать, вырыли из земли и вместе с другими, еще неустановленными, отправили в Котлас для использования в качестве опор и перил будущего моста.

Немцев-трудармейцев привезли на строительство моста зимой 1941 года и поселили в помещении, оборудованном под овощехранилище. По их рассказам, было там холодно, а кормили очень скудно. Весной многие из них заболели дизентерией. Когда утром бригады вели на работу, многие из трудармейцев теряли сознание, падали, значительная часть их умирала от дистрофии. Но, наконец, мост был закончен, и тогда оставшихся (которых было сравнительно немного — от 100 до 150–200 человек) перевезли в Коми АССР, в село Жешарт, где из них сформировали 17-ю колонну, построив для них бараки и особую зону неподалеку от находящейся уже здесь раньше 16-й колонны, которая была образована из заключенных. Возможно, именно последние построили зону и бараки, где были поселены трудармейцы, а также лагерную комендатуру, помещение, в котором поселились начальник колонны, прорабы (из числа бывших заключенных), здание, где находился оперуполномоченный, и т. д.

В Жешарте на берегу Вычегды (или одного из ее протоков) по проекту, разработанному инженерами ленинградского треста «Ленгидропроект», было подготовлено место для лесобиржи, а в воде заготовлена

---

³² Речь идет о переселении 365 тыс. немцев в Сибирь и Казахстан после ликвидации в августе 1941 г. Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (далее АССРНП). В строительстве Котласского железнодорожного моста, осуществлявшегося заключенными Севжелдорлага и трудармейцами, кроме русских, немцев и поляков, принимали участие финны, карелы, белорусы, украинцы, эстонцы, молдаване, казахи, корейцы.

³³ Имеется в виду грандиозный Дворец Советов в Москве, сооружение которого началось в 1937 г. по проекту Б. М. Иофана (прекращено в 1956 г.). Здание должно было быть возведено на месте взорванного в 1931 г. храма Христа Спасителя. Заготовленные для здания металлические конструкции использовались при строительстве различных сооружений на территории разоренной страны, в том числе Котласского железнодорожного моста, в котором на протяжении 1942–1945 гг. первоначальные деревянные фермы (из лиственницы) заменялись металлическими, доставлявшимися из Москвы.

³⁴ Бассейн «Москва» был устроен на месте храма Христа Спасителя в 1960 г.

древесина, которую надо было выкатывать на берег лебедками и изобретенным одним из эков «гидролотком», складывать в правильные высокие поленицы и разделявать с помощью электропил. Прежде чем выкатывать бревна из воды, надо было разбирать образовавшиеся в период сплава дровяные заломы и завалы.

Часов около 12 нас послали на лесобиржу — очищать ее территорию, собирать раскиданные на ней бревна и складывать их в штабеля. Работа эта была для меня непривычной и довольно трудной³⁵. Тем не менее я старался делать ее тщательно и помню, как я был удивлен, что некоторые, наиболее здоровые и сильные из приехавших со мною трудармейцев смотрели с презрением на тех, кто работал старательно и, посмеиваясь над ними, сами работать не спешили.

Из дневника Г. М. Фридендера (Жешарт, 1944–1945)

24. X. 1944. Опять месяц не писал здесь.

За это время был в Кирове³⁶, вернулся, и вот уже снова глубокая осень, близко зима.

Когда я был в Кирове, стояла золотая осень; в саду библиотеки имени Герцена³⁷ стояли золотые березы, залитые солнцем, желтые и красные клены, иногда от них отрывался лист и медленно падал на землю. Стояли удивительные ясные, бодрые, солнечные дни, с утренним холодком, с иссиня-голубым небом. А на улицах — асфальт, белые, чистые тротуары, гулкие шаги, люди, спешащие по обеим сторонам, цвета, звуки, голоса жизни.

А потом — снова Жешарт, нищета, одиночество, мокрые до блеска дрова, по которым уныло хлещется дождик, холод, сырая, серая мгла,

---

³⁵ 10 августа 1942 г. Фридендер описал матери условия его начавшейся в лагере жизни (при этом надо иметь в виду, что в письмах он всячески старался смягчить свои сообщения, поскольку боялся за ее здоровье): «...здесь очень трудно выкроить время даже для того, чтобы написать два слова. 13 часов из суток проходят на рабочем месте: 12 за работой и 1 час за обедом. Остаются 11, из них 8 на сон, по часу на завтрак и ужин (очередь!), остается максимум при самых благоприятных условиях 1 час или 2 свободного времени, не всегда. Пока я все еще выполняю ту же не трудную, но скучную работу — сигнальщика на лесобирже (махаю флажком и этим даю знать лебедке о времени и направлении движения). Но я договорился с экономистом, которому нужен помощник, что он на днях возьмет меня к себе» (Березкина, 2019а, с. 458).

³⁶ В Кирове находился трест, которому подчинялась база в Жешарте. 15 января 1944 г. Фридендер сообщал матери, надеясь на передачу посылки от нее: «Адрес нашего треста: Киров, ул. Герцена, д. 80, трест “Лузтранслес”, с направлением на Жешартскую лесоперевалочную базу, плановику имярек. Курьер наш обращается между Кировом и Жешартом до 4–6 раз в месяц, бывают и другие оказии» (Березкина, 2019а, с. 482).

³⁷ Имеется в виду библиотека им. А. И. Герцена в Кирове (Вятке), одна из старейших в России. На месте парка, о котором пишет Фридендер, в настоящее время построен филиал Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина.

поздние рассветы и ранняя темнота вечером, неприветливые, глухие сумерки в конторе, лужи; трудармейцы в грязных оборванных ватниках, грубость; лагерная грубость, которая ест глаза, как густой дым, бессердечье, обман, воровство, презрение к себе и к ближнему, ужасная жизнь в атмосфере лжи и грязи.

Когда же, когда все это кончится?! 22-го наши войска вступили в Восточную Пруссию. Почти вся Прибалтика очищена. Заняты Белград, Сегед, Дебрецен, Ясина³⁸. Кольцо вокруг гитлеровской Германии сжимается. Недалека победа, праздник советского народа.

Изменится ли моя темная судьба? Я чувствую с ужасом, что я становлюсь груб, некультурен, мой мозг утратил свою гибкость, мне все ближе становится мысль о материальном, об элементарных потребностях жизни, о хлебе насущном, тепле, одежде, минимальном комфорте — и все труднее сосредоточить свою мысль на больших вопросах искусства, истории, общества. Когда я думаю об «L'annunziata» Боттичелли, или об «Le concerto di musica»³⁹, или о святой Анне — в моей памяти возникают легкие, полустершиеся образы, хочется плакать, быть сентиментальным, разговаривать, но нет той ясности и остроты, художественного чувства, которое было. Холодок все реже пробегает у меня по спине, и, когда я один, я все чаще думаю о хозяйственных мелочах, добывании средств к жизни, мелко сужу других, чувствую себя обыденным и подлым. Когда все это кончится?

Володя, Шура, Яша, святые, дорогие образы моей юности⁴⁰, спасите и поддержите меня, не дайте мне пасть, не дайте этому кошмару задавить во мне все то, что мы вместе любили, что озаряло солнечным светом искусства и коммунизма наши встречи, ночные бдения, горячие

---

³⁸ Речь идет о городах, освобожденных Красной армией в октябре 1944 г. в ходе Дебреценской военной операции на территории Венгрии и Румынии (Сигет (в письме Сегед), Дебрецен, Ясина (в письме Ясина)).

³⁹ «Благовещение» <...> «Музыкальный концерт» (*итал.*). Имеются в виду картины «Благовещение» Боттичелли, «Сельский концерт» («Концерт под открытым небом») и, по-видимому, «Мадонна с младенцем и святой Анной» Джорджоне. 8 мая 1944 г. Фридендер наставлял мать относительно готовившейся ею первой посылки в Жешарт (отправка посылки стала возможна только после снятия блокады, причем на нее нужно было получить разрешение, вес же ее не должен был превышать 10 кг): «Хорошо было бы, если бы в бумагу Ты положила пару репродукций из кожаного альбома в моем столе: Giorgione, Un concerto di musica, Botticelli, L'annunziata и фрески Микель Анджело (без надписей, вложены пачкой)» (Березкина, 2019а, с. 493).

⁴⁰ Фридендер говорит о погибших во время войны друзьях своей студенческой юности, выпускниках ЛГУ: Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (Воля, Володя) (1914–1942), Александр Гаврилович Выгодский (Шура) (1915–1941), Яков Львович (Лейбович) Бабушкин (Яша) (1913–1944), главный редактор литературно-художественного вещания ленинградского радиокомитета в 1941–1943 гг. 3 августа 1943 г. Фридендер писал матери, перечисляя всех своих друзей, мертвых и живых: «...эти тени для меня всегда живы <...> сколько я узнал от них, благодаря нашему общению, и хорошего и светлого! Без них, как без искусства, жизнь моя была бы совсем другой — узкой и темной» (Березкина, 2019а, с. 474). О Бабушкине см.: Березкина, 2019б.

разговоры! Вспомню наши с Яшей проводы Анки⁴¹, ночные, горячие разговоры на ленинградских улицах, и опять разговоры — у Яши на квартире, у Зинаиды⁴², Яшку с горящими глазами, самого себя, уносимого восторгом, говорящего и самого с благоговением впервые слушающего своего «демона», — и мне становится одновременно хорошо, радостно, гордо — и в то же время не хочется жить таким, как я стал. Неужели же нет во мне силы для того, чтобы совершить над собой *одно* усилие и стряхнуть с себя этот сон, прозябание во мраке поденщины и пошлости!?..

8. XI. 1944.

4:00–6:00 — работа.

6:00 — радио.

6:30–7:00 — завтрак.

7:00–8:00 — работа, чтение.

8:00–12:30 — контора.

12:30–1:00 — прогулка.

1:00–1:30 — обед.

1:30–2:00 — чтение.

2:00–5:00 — контора.

5:00–6:00 — топка печи.

6:00–6:30 — ужин.

6:30–8:00 — чтение, работа, шитье и проч.

8:00–4:00 — сон.

13. XII. 44. План эстетики:

1. Идея и образ. Субъективное единство образа и идеи в сознании и объективная основа этого единства. <Далее еще два пункта плана.>

21. III. 45. <...> Из людей, которых я знал прежде, только люди старшего поколения, мамы знакомые, окружавшие меня, жили «роевой» жизнью массы, молодежь почти вся была в той или иной степени под влиянием жизни политической и культурной авансены человеческой истории. Конечно, не все мы метили в гении, но все же самые скромные из нас претендовали на роль учителей, воспитателей, руководителей и жили больше идеями, чем практической жизнью. И вот судьба свела меня с человеком⁴³, который почти моего возраста и который — в то время как мы торопились жить, дышать воздухом большой

---

⁴¹ Анна (Анка) Владимировна Тмарченко (1915–2015), урожд. Эмме, филолог, жена Григория Евсеевича Тмарченко (1913–2000). Воспоминание о проводах Анки вместе с Яшей относится ко времени до появления на их курсе красавицы Ляли Ильинской, которая «разбила» эту пару, став вскоре женой Яши. См.: Березкина, 2020.

⁴² Лицо неустановленное.

⁴³ Здесь и далее говорится о трудармейце Христиане Христиановиче Розенгрине (1914–1962), с которым Фридендер жил в одном доме после того, как стал

жизни, спешили, суетились, разговаривали, опьяняли себя иллюзиями, боролись за отвлеченно идеальные принципы и цели — жил простой практической жизнью, не думая о завтрашнем дне, о нарушении традиций, о борьбе с рутинной и проч., и проч., а питался себе соками этой «роевой» жизни, вырос, созрел, женился, работал, создал семью, как делали сотни лет представители большой человеческой массы, и жил бы, и умер спокойно среди «малых сих», если бы не выбил его на время из всего этот шторм войны, конец которой сулил ему снова возвращение к жизни массы, продолжение своего семейного дела и спокойную смерть с сознанием того, что он выполнил свой долг и построил кусочек той великой ткани, из которой и создается жизнь человечества.

Конечно, я видел вокруг себя и много молодежи, которая тоже не претендовала на роль духовных вождей нации. Но почти вся молодежь была — по-своему тоже — молодежью из «случайных семейств»⁴⁴, молодежью, так или иначе затронутой распадом органических форм жизни и поэтому по-своему грешившей тем же грехом, которым по-своему грешили мы; только у них это была грубость, распущенность, пошлость, склонность к дешевому пьянству и дешевому полуразврату, плохой помаде, скверным духам, пропитому голосу и ярким кофточкам. Одним словом, и это были люди без роду и племени, но то, что у нас проявлялось *духовно и по-своему даже возвышенно*, у них проявлялось грубо. Это видел я и в деревне, когда был с мамой у Гаврилы⁴⁵.

Если взять слой повыше, это соответствует влиянию джаза и «заграничной» культуры. Образцов не оберешься. Даже здесь — провинциальная разновидность — Майер, Овальд⁴⁶ и проч. Если поскрести Аню Фельдман с мужем⁴⁷ и ее хемингуэйничающих друзей, получится то же.

Только здесь — в лице некоторых трудармейцев — я, может быть, впервые увидел людей, у которых — в ограниченной форме — *существует* известное равновесие материального и духовного так, что эти стороны не разошлись, материальное не лишено отпечатка своего рода культуры и не низведено до животного, а духовное не стало абстрактным, как у нас, — конечно, поэтому и довольно элементарно, но все же имеет *положительный* характер, обладает определенной интенсивностью и нравственным напряжением. <...>

спецпоселенцем, покинув лагерную казарму в Жешарте. Уроженец АССРНП, Розентрин был выслан в 1941 г. в Алтайский край, в 1942 г. — в Коми АССР. К 1941 г. у него было трое детей.

⁴⁴ «Случайное семейство» — выражение Ф. М. Достоевского, которым он обозначал в своих произведениях семью с распавшимися внутренними связями в состоянии «хаоса», «беспорядка» (впервые в романе «Подросток», 1875).

⁴⁵ Речь идет о какой-то летней поездке Г. М. Фридлиндера с матерью в деревню в 1930-х гг.

⁴⁶ Майер, Овальд — лица неустановленные.

⁴⁷ См. воспоминания, примеч. 2. Муж Т. М. Луценко — Арон Яковлевич Скир (1913–1996), канд. филол. наук, преподаватель Архангельского пединститута в 1940–1942 гг.

29. III. 45. Сейчас утро, я один, на дворе отчетливо чувствуется запах весны. Мне грустно, а волны поэзии и счастья захлестывают меня. За что были мне даны — это глубокое художественное чувство, способность чувствовать и понимать красоту и любить в ней высшие творческие возможности жизни, будущего? Сколько скупых, но прекрасных минут я унесу даже из этих лет! Всем, всем в своей жизни я обязан искусству: оно раскрыло передо мной мир, оно привело меня к коммунизму и сделало меня сознательным участником нового общества. Прошло 11 лет с тех пор, как я, Яшка и Анка стояли на углу Офицерской и Театральной площади и говорили о 17-м съезде партии⁴⁸. С этого дня передо мной раскрылся широкий умственный выход в современную жизнь. 10 лет тому назад в это время я писал наш трактат об искусстве⁴⁹. Это были дни, когда мы почти физически чувствовали молодость мира, когда жизнь улыбалась нам и все ее высшие ценности с улыбкой шли нам навстречу. Каким сияющим и многоцветным представлялось нам тогда будущее, нам, триумvirату Председателей Земного Шара!⁵⁰ Много ли моих современников могут похвалиться такой чистой, свежей и *здоровой* молодостью?⁵¹ Думаю, что очень не много. Во имя этого можно простить многое и спокойно смотреть в лицо невзгодам. Да здравствует

---

⁴⁸ Имеется в виду XVII съезд ВКП(б), проходивший 26 января — 10 февраля 1934 г. в Москве и утвердивший второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Выступления на нем носили оптимистический характер, поэтому его стали называть «Съездом победителей». Это объясняет воодушевление Фридендера и его сокурсников, о котором он вспоминает в своем дневнике.

⁴⁹ «Трактат» (надпись на тетрадке в архиве Фридендера) был связан с выработкой марксистского мировоззрения, выросшего из насущной потребности жизни Фридендера и его друзей, которые были возмущены заполонившей университетские аудитории вульгарной социологией: это была редукция искусства и гуманитарной мысли вообще, якобы на основе прочтения Маркса, исключительно к экономическим отношениям различных эпох и проявлениям классовой борьбы. «Трактат» был использован А. Г. Выгодским и Г. М. Фридендером в комментариях к сборнику работ К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве», вышедшему под редакцией М. А. Лифшица (с его же вступительной статьей) в 1937 и 1938 гг.; сборник многократно издавался за границей, впоследствии был переработан в двухтомник и издан в 1957–1958 гг. О. И. Ильинская писала 19 августа 1942 г. в первом же своем письме в лагерь к Фридендеру, напоминая о роли «трактата» в идейном становлении всего их дружеского кружка: «...ты имеешь законное право гордиться и той твоей работой об искусстве. <...> надо вспомнить о том, что тебе было очень немного лет, когда ты в духовном смысле создал Яшку (а это, честное слово, неплохо) и помог вырасти Шуре. Можешь помянуть и меня <...>. Все эти твои друзья, которые стольким тебе обязаны, — доказательство того, насколько реальны и жизненны были твои мысли» (Березкина, 2020, с. 483–484, 501). См. также: Березкина, 2019а, с. 468.

⁵⁰ Фридендер относит к себе и своим друзьям выражение поэта Велимира Хлебникова (1885–1922), придумавшего в 1916 г. Общество Председателей Земного Шара.

⁵¹ В военные годы Ильинская, подобно Фридендеру, вспоминала в письмах к нему в лагерь об энтузиазме их студенческих лет как о каком-то важном этапе истории, совпавшем «с молодостью и зрелостью целого нового мира»: «Несмотря на все трудности, мы были счастливым поколением, любимчиками истории. У мальчиков и девочек из раздельных школ не будет и наших солнечных вершин» (Березкина, 2020, с. 486, 529).

жизнь! (Und die ganze Welt hoch⁵², как кричит сияющий немец в «Войне и мире» Николаю Ростову⁵³.) Несмотря ни на что, а я еще достоин заветов тех дней, и они не обманут, я знаю.

2. V. 45. 13 ч. 07 мин. Хр<истиан> Хр<истианович> сказал, что он водки больше пить не будет, *потому что ее нет*⁵⁴.

17. V. 45. Вчера я подумал: когда я уеду отсюда и меня спросят: вот вы прожили три года с этими людьми, назовите из них тех, кого вы считаете вполне честными и полезными советскими людьми, людьми, которых безусловно можно и нужно извлечь из этих условий, потому что это будет полезным не только для них самих, но и для советского общества, — кого я назову?

Гефта, Тиссена, Лоде, может быть, Тропа⁵⁵. И, пожалуй, всё.

В честности этих людей, в их моральном достоинстве, в том, что первые три не изменили бы Родине ни при каких условиях, что они *русские* люди, — я уверен. Больше ни на кого не положусь. Ибо помимо того, что мне кажется — для советского общества безразлично, живет ли бухгалтер Розенгрин или пекарь Шмидт на севере, или в Алтае, или в Поволжье (лишь бы они выполняли определенную общественно-полезную работу и растили детей), я не поручусь даже за то, что, оказавшись у немцев, эти люди не продались бы за чечевичную похлебку. Слишком много в них грубого животного эгоизма, алчности, для соб<ственного> <...>⁵⁶

---

⁵² И да здравствует весь свет! (нем.)

⁵³ «Война и мир» Л. Н. Толстого, т. 1, ч. 2, гл. IV.

⁵⁴ Выделенное курсивом написано другой рукой; далее ею же неразборчивая подпись. Речь идет о Хр. Хр. Розенгрине.

⁵⁵ Среди названных Фридендером товарищей по лагерю, в честности и моральном достоинстве которых он был полностью уверен и которые, по его мнению, «не изменили бы Родине ни при каких условиях», оставаясь «*русскими* людьми», не удалось идентифицировать двух (Лоде, Троп), поскольку они больше нигде у него не упоминаются. А. А. Гефт впоследствии работал в Горьковском институте инженеров водного транспорта (ныне Волжская государственная академия водного транспорта) доцентом кафедры технологии судостроения и судоремонта. Его братом был известный разведчик Николай Артурович Гефт (1911–1944) (о нем упоминал Фридендер). См.: Березкина, 2019, с. 488. Настоящая дружба связывала Г. М. Фридендера с Марком Юлиановичем Тиссенем. Мобилизованный в «трудармию» в сентябре 1942 г., он, как и Фридендер, был в 1944 г. переведен в разряд спецпоселенцев. В 1946–1955 гг. работал в секретных подразделениях, ковавших ядерный щит СССР, — сначала в Обнинске (Калужская обл.), а затем в пос. Сунгуль (Челябинская обл.). Об этой работе, не называя ее предметно, Тиссен с восхищением писал Фридендеру как о воплощении своих научных мечтаний. Впоследствии работал в Институте биофизики (ныне Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН, Пушкино). См.: Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С. Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. С. 85–86; Березкина, 2019, с. 461.

⁵⁶ Текст обрывается.

Библиографический список

- «Трудармеец Фридлиндер, Г.М.» (письма из Коми АССР, 1942–1945) / вступ. статья С.В. Березкиной; подгот. текста и коммент. С.В. Березкиной и А.С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 443–505.
- Березкина С.В.* «Проклятый вопрос об ошибке в папиных бумагах...» (Г.М. Фридлиндер в лагере и на поселении, 1942–1945) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 23. СПб., 2021. С. 392–410.
- Березкина С.В.* «Ты бесконечно дорог мне...» (Из писем Я.Л. Бабушкина и О.И. Ильинской к Г.М. Фридлиндеру, 1941–1946) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 358–371.
- Березкина С.В.* О.И. Ильинская в воспоминаниях Г.М. Фридлиндера и письмах к нему в Коми АССР (1942–1945 гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 479–556.
- Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев в России: хрестоматия. М., 2005. 415 с.
- Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник No 2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95.
- Емельянов Б.М., Гаврильченко В.С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. 438 с.
- Морозов Н.А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 58–69.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. М., 1998. 600 с.

References

- “Trudarmeets Fridlender G.M.” (pis’ma iz Komi ASSR, 1942–1945 gg.) [“Labor Army soldier Fridlender G.M.” (letters from the Komi ASSR, 1942–1945)], vstup. stat’ia S.V. Berezkina; podgot. teksta i comment. S.V. Berezkina i A.S. Lagureva. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody*. Saint Petersburg, 2019. Pp. 443–505. (In Russ.)
- Berezkina S.V. “Proklyatiyi vopros ob oshibke v papinykh bumagakh...” (G.M. Fridlender v lagere i na poselenii, 1942–1945) [“The damned question about the mistake in dad’s papers...” (G.M. Fridlender in the camp and in the settlement, 1942–1945)]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 23. Saint Petersburg, 2021. Pp. 392–410. (In Russ.)
- Berezkina S.V. “Ty beskonechno dorog mne...” (Iz pisem Ia. L. Babushkina i O.I. Il’inskoi k G.M. Fridlenderu, 1941–1946) [“You are infinitely dear to me...” (From the letters of Ya. L. Babushkin and O.I. Ilyinskaya to G.M. Fridlender, 1941–1946)]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 22. Saint Petersburg, 2019. Pp. 358–371. (In Russ.)

- Berezkina S.V. O.I. Il'inskaia v vospominaniakh G.M. Fridlendera i pis'makh k nemu v Komi ASSR (1942–1945 gg.) [O.I. Ilyinskaya in the memoirs of G.M. Fridlender and letters to him in the Komi ASSR (1942–1945)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god*. Saint Petersburg, 2020. Pp. 479–556. (In Russ.)
- Emel'ianov B.M., Gavril'chenko V.S. *Laboratoriia "B": Sungul'skii fenomen* [Laboratory "B": Sungul' phenomenon]. Snezhinsk, 2000. 438 p. (In Russ.)
- German A.A., Illarionova T.S., Pleve I.R. *Istoriia nemtsev v Rossii: khrestomatiia* [History of Germans in Russia: Anthology]. Moscow, 2005. 415 p. (In Russ.)
- Goncharov G.A. "Trudovaia armiia" perioda Velikoi Otechestvennoi voiny: voprosy istoriografii, teorii i praktiki ["Labor Army" during the Great Patriotic War: issues of historiography, theory and practice]. In: *Vestnik No. 2. Chelyabinskii in-t ekonomiki i prava*. Chelyabinsk, 2002. Pp. 67–95. (In Russ.)
- Morozov N.A. Mobilizovannye gruppy sovetskikh grazhdan na predpriatiiakh Komi ASSR v 1942–1946 gg. [Mobilized groups of Soviet citizens at enterprises of the Komi ASSR in 1942–1946.] In: *Pokaianie: Komi-Respublikanskii martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressii*, vol. 10, part 1. Syktyvkar, 2013. Pp. 58–69. (In Russ.)
- Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR. 1923–1960: spravochnik* [The system of correctional labor camps in the USSR. 1923–1960: a reference book], comp. M.B. Smirnov. Moscow, 1998. 600 p. (In Russ.)